

В. О. НИКИШИН (МГУ имени М. В. Ломоносова)
КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ КООПЕРАЦИЯ?
ВЗГЛЯД ГРЕКО-РИМСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ
НА ПРОБЛЕМУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ЧУЖАКАМИ

Ксенофобией называют страх перед чужаками, который порождает неприязнь, нетерпимость и ненависть ко всему чужому, в частности к чужой культуре и её носителям. По сути, речь идёт о сложном комплексе негативных эмоций, как то: страха, враждебности и презрения (в связи с убеждением в собственном превосходстве) к чужакам. В наше время различаются две разновидности ксенофобии: это инстинктивная ксенофобия, идущая «снизу» как неосознанный социальный рефлекс, и идейная ксенофобия, культивируемая государственной властью как идеология этнической вражды.

В Риме существовали обе разновидности ксенофобии. Идейная, генерируемая на государственном уровне ксенофобия была неразрывно связана с имперским мышлением и доктриной этнического превосходства, которая всячески пропагандировалась римскими интеллектуалами. Здесь ярким примером выступает Цицерон. По его словам, римляне — это «первенствующий народ», «господин и победитель всех племён» (*omnium gentium dominus ac victor*). Великий оратор объяснял факт римского имперского господства доблестью римлян и божественным провидением. По его мнению, римляне завоевали весь мир, ведя «справедливые войны», т. е. защищая либо самих себя, либо своих союзников. Идею исключительности и превосходства римлян над остальными народами исчерпывающим образом сформулировал Вергилий в «Энеиде»: «Римлянин! Ты научись народами править державно — / В этом искусство твоё! — налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» (пер. С. А. Ошерова).

«Справедливая власть» (*iustum imperium*) Рима самими римлянами расценивалась как благо для покорённых народов. В глазах римского гражданина Рим вмещал в себя — в политическом и культурном отношении — весь мир. Эта идеологическая парадигма в основе своей и в V в. оставалась такой же, как во времена Цицерона, Августа и Овидия. Об этом свидетельствуют, в частности, знаменитые строки из поэмы «О своём возвращении» Рутилия Намациана, галла по происхождению, префекта Рима в 416 г., когда он обращается к богине Роме: «Разным народам единую ты подарила отчизну, / Благо — под властью твоей им беззаконье забыть. / Ты побеждённым дала участие в собственном праве, / То, что было — весь мир, городом стало одним» (пер. О. В. Смыки).

Безусловно, этот вселенский «протекторат» (*patrocinium orbis terrarum*) имел свои слабые стороны, так что некоторые римские интеллектуалы порой критиковали издержки римского «империализма», например, пресловутую римскую «алчность». Так, Саллюстий в «Письме Митридата» устами заклятого врага Римской республики осудил политику территориальной экспансии римлян, якобы обусловленной *cupido profunda imperi et divitiarum* («глубоко укоренившимся в них желанием владычества и богатств»). Элементы критики римского «империализма» можно встретить и у Цицерона, и у Тацита.

Одним из проявлений римской ксенофобии был *metus hostilis* — страх римлян перед внешней угрозой. О суеверном, почти патологическом страхе

римлян перед галлами (*metus Gallicus*) и карфагенянами (*metus Punicus*) писали в своё время Полибий, Тит Ливий, Саллюстий, Цицерон, Дионисий Галикарнасский, Веллей Патеркул, Плутарх, Тацит, Помпей Трог, Аппиан и Аврелий Августин. Саллюстий полагал, что именно *metus Punicus* побудил римскую гражданскую общину, забыв внутренние распри, сплотиться под властью законов и магистратов. По мнению историка, после разрушения Карфагена и исчезновения *metus Punicus* (146 г. до н. э.) в Риме началось «падение нравов». Вывод очевиден: в консервации страха перед внешней угрозой (*metus hostilis*) Саллюстий видел гарантию сохранения в римском государстве гражданского мира.

С одной стороны, греческие и латинские авторы эпохи Империи смотрели на Рим как на столицу мира (*caput mundi*), в которую отовсюду стекаются представители самых разных народностей, а чужаками себя чувствуют лишь рабы и варвары (*in qua unica totius orbis civitate soli barbari et servi peregrinantur*). В этом смысле, например, для Афиня Рим — это «эпитома ойкумены», т. е. «выжимка вселенной». С другой стороны, Лукан констатировал: «Рим переполнен теперь подонками целого мира» (пер. Л. Е. Остроумова). В свою очередь, Тацит считал, что в Рим «отовсюду стекается всё наиболее гнусное и постыдное» (пер. А. С. Бобовича). Столь резкие высказывания античных авторов можно понять, если учесть, что, согласно подсчётам современных исследователей, во времена Флавиев примерно три четверти населения Рима составляли вольноотпущенники неиталийского происхождения. Ювенал пишет о множестве грекоязычных иммигрантов, проживавших в Риме в его время, в связи с чем прославленный сатирик находит возможным говорить о «греческом Риме».

Письменные источники свидетельствуют о ярко выраженной ксенофобии римлян по отношению к чужакам. Ещё в 69 г. до н. э. в речи «В защиту Фонтя» Цицерон, намеренно сгущая краски и обращаясь к вековым предрассудкам своих сограждан, постарался создать образ врага в лице галлов. Чего стоит хотя бы такая тирада великого оратора: «Разве можно какого-нибудь наиболее знатного уроженца Галлии сравнить не то что с самыми выдающимися мужами нашей общины, но хотя бы с последним из римских граждан?» (пер. авт.). Словно оппонируя Цицерону, два века спустя Апулей писал в своей «Апологии»: «Не на то надо смотреть, где человек родился, а каковы его нравы, не в какой земле, а по каким принципам решил он прожить свою жизнь» (пер. С. П. Маркиша).

Любопытный парадокс: исполнившись чувством собственной исключительности и превосходства, римляне постоянно третировали варваров, хотя время от времени принимали их в свою среду, сами жили среди них и даже иногда заимствовали некоторые их обычаи. Таков был специфический римский «шовинизм», который странным образом уживался с космополитизмом, открытостью римского общества навстречу чужеземным влияниям и постоянной готовностью к заимствованиям.

В целом же соображения политического свойства в Риме, как правило, преодолевали узкий «национализм», поэтому римляне сумели создать великую державу, просуществовавшую полтысячи лет. Как писал Аврелий Виктор, «я и сам убедился на основании прочтённой литературы и разнообразной

молвы, что город Рим возрос главным образом благодаря доблести чужестранцев и заимствованным у других искусствам» (пер. В. С. Соколова). Таким образом, «национальный» фактор с неизбежностью был принесён в жертву фактору политическому. В этом заключалась одна из главных причин того, что Римская империя, несмотря на ряд внутренних и внешних потрясений, смогла просуществовать в общей сложности полтысячи лет.

**В. А. КОНЮХОВ (МГУ имени М. В. Ломоносова)
ТИТ ЛИВИЙ — ИСТОРИК, ПИСАТЕЛЬ, ТВОРЕЦ**

Тит Ливий родился в древнем городе Патавии (ныне Падуя) в 59 г. до н. э., а умер в 17 г. н. э., по некоторым данным, там же, в своём родном городе, хотя большую и самую плодотворную часть жизни прожил в Риме. Его патавийское происхождение станет для ближайших потомков своего рода отметиной на его главном труде: среди качеств работы будут называть и «патавийскость» как составляющую то ли её языка, то ли стиля. Однако именно Рим эпохи Августа стал для Тита Ливия местом, где были созданы все (или почти все) главные произведения. Именно Риму, и как городу, и как величайшей державе, посвятит Ливий львиную долю своего внимания и творческой энергии.

Ливий известен не только нам, но и людям поздней Античности большей частью как «человек Одной Книги». Хотя перу Ливия принадлежали несколько ораторских и философских сочинений, притом, судя по отзывам античных авторов, высокого качества, всё же имя его связано навсегда с «Историей Рима от основания Города», как часто именуется его безымянное сочинение в 142 книгах. Сам Ливий именовал своё сочинение «Анналами», однако это невыразительное и бесцветное наименование, имевшее скорее родовой, нежели конкретный характер (ведь «анналами» именовали всякое изложение событий по годам, даже самое короткое и лишённое художественной составляющей), не прижилось и было заменено в Средние века на ныне существующее. До нас, к сожалению, дошла меньшая часть этого колоссального труда: почти полностью сохранились книги I–X и XXI–XLV, известно немало фрагментов из других книг, почти все книги известны в кратких пересказах, иногда более напоминающих оглавления. Книги традиционно делились на декады и соответственно переписывались. Хронологически труд охватывал римскую историю с легендарных времён до 9 г. н. э.

Необходимо указать на одну особенность Ливия как историка и литератора: работая над своей главной книгой на протяжении нескольких десятилетий, он был первым, кто сделал создание литературного труда по истории Города своей профессией. В течение всей жизни он, судя по всему, не занимал никаких государственных постов, будь то гражданские или военные должности. Это было довольно обычно для поэтов того времени, однако за создание исторических трудов тогда брались обычно представители высших сословий (сенаторского и всаднического), следовавшие *cursus honorum*. С этой чертой биографии Ливия связывают некоторые недостатки в описании военных действий, склонность к шаблонности в изображении многих, особенно не очень значительных, сражений; также взгляд добропорядочного и благомысленного обывателя, чуждого политических интриг, иногда сквозит в